

АНТОНИНА СЕФИЛОВА

Мне васадила
мислит раном

ТАМ, ГДЕ ГАСНУТ ФОНАРИ

— ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ-ТРИЛЛЕР —

Антонина Сефилов

Там, где гаснут фонари

<https://litres.ru/74505637>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцатидвухлетняя Инга Романова была уверена, что знает лучшую подругу Ольгу как никто другой. Они дружили со школы, делились секретами и верили, что это навсегда. Но однажды утром тело Ольги находят в городском парке. Убийство потрясает Ладоминск. Полиция подозревает маньяка, а Инга, не смирившись с потерей, начинает расследование. След ведёт к тайным документам фирмы, земельным махинациям, старым убийствам и людям, которым Ольга могла помешать. Помочь Инге берётся судмедэксперт Дмитрий Левин. Недоверие между ними превращается в опасную близость. Но чем ближе Инга к разгадке, тем страннее происходящее: пропавшие часы, забытые разговоры, чужие улики и фонари, гаснущие, когда правда оказывается рядом. Кто-то знал, что Ольга придёт в парк той ночью. Кто-то знает об Инге слишком много. И, возможно, самый страшный ответ всё это время был рядом.

«Там, где гаснут фонари» — мрачный психологический детектив-триллер о дружбе, вине, любви, памяти и доверии к другим и самому себе.

Содержание

ЧАСТЬ I	4
Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Антонина Сефилов

Там, где гаснут фонари

ЧАСТЬ I

ДО ТЕМНОТЫ

Глава 1

В кофейне «Север» всегда было слишком тепло.

Инга заметила это еще в ноябре, когда впервые пришла сюда переждать дождь между лекциями, и с тех пор не могла избавиться от ощущения, что владелец заведения ведет личную войну с ладоминской погодой. За окнами мокрый снег размазывался по стеклу, машины шуршали по черному асфальту, люди на остановке втягивали головы в воротники, а внутри пахло корицей, кофе и перегретыми батареями.

Ольга сидела напротив, расстегнув пальто и закатав рукава белой блузки до локтей, словно прибежала сюда не после десятичасового рабочего дня, а после короткой прогулки.

— Ты опять не ела, — сказала она.

Инга подняла глаза от чашки.

— Это вопрос или обвинение?

— Диагноз.

— Я ела.

— Что?

Инга задумалась.

— Был круассан.

— Сегодня?

— Не придирайся к деталям.

Ольга протянула руку через стол, придвинула к ней тарелку с половиной своего сэндвича и постучала ногтем по краю.

— Ешь.

— Мамочка.

— Если бы я была твоей мамочкой, у тебя дома не стоял бы в холодильнике кетчуп, половина лимона и лампочка.

Инга фыркнула.

— Свет — тоже продукт первой необходимости.

— Конечно. Особенно если питаться фотосинтезом.

Инга все-таки взяла сэндвич. Победная улыбка Ольги была настолько самодовольной, что хотелось вернуть тарелку обратно исключительно из принципа.

Они знали друг друга девять лет. За девять лет Ольга успела выучить все Ингины способы говорить «со мной все нормально», не произнося этих слов. Инга, в свою очередь, знала, когда Ольга врет, потому что тогда та начинала говорить слишком быстро, и когда нервничает — тогда крутила на пальце тонкое серебряное кольцо, хотя ни замужем, ни помолвлена никогда не была.

Сейчас кольцо вращалось.

Инга прожевала и кивнула на руку подруги.

— Что случилось?

Ольга замерла.

— Ничего.

— Три оборота за десять секунд.

— Ты считаешь?

— Я журналист. Мы мерзкие наблюдательные люди.

— Ты студентка журфака, которая вчера проспала семинар по исследовательской журналистике.

— Я расследовала влияние сна на академическую успеваемость.

— И как результаты?

— Катастрофические.

Ольга рассмеялась, но кольцо не отпустила.

Инга откинулась на спинку стула и посмотрела на нее внимательнее. Под глазами у Ольги легли едва заметные тени. Светлые волосы были собраны в высокий хвост, из которого выбились две пряди. На воротнике пальто темнело мокрое пятно от снега. Обычно к концу рабочей недели она жаловалась на клиентов, начальство, бумажную волокиту и существование человечества в целом. Сегодня — молчала.

— На работе? — спросила Инга.

— На работе всегда что-нибудь.

— Корнев опять решил, что трудовое законодательство написано для слабаков?

— Корнев считает, что сон придумали профсоюзы.

— Значит, да.

Ольга наконец сняла кольцо, положила на стол и покрутила его между пальцами.

— У нас один клиент странный.

— Богатый?

— Очень.

— Тогда он не странный. Он эксцентричный. Странными бывают бедные.

— Вот за это я тебя и люблю.

Она сказала это легко, привычно, так же как говорила «передай соль» или «купи молока». Инга тоже привыкла. И все равно всякий раз внутри что-то становилось теплее — совсем немного, на секунду.

— Что за клиент?

Ольга покачала головой.

— Не могу рассказывать. Конфиденциальность.

— Тогда зачем начала?

— Чтобы загадочно замолчать в нужный момент.

— Ненавижу юристов.

— Я тоже. Особенно по понедельникам.

За окном кто-то резко затормозил. Инга вздрогнула и обернулась так быстро, что кофе плеснул на блюдце.

Ольга перестала улыбаться.

— Что?

Инга посмотрела через окно. На другой стороне улицы

мужчина в темной куртке стоял под навесом закрытого цветочного киоска. Лицо скрывала тень от капюшона. Может быть, он ждал автобус. Может быть, курил. Может быть, просто смотрел в телефон.

Ей показалось, что секунду назад он смотрел прямо на нее.

— Ничего, — сказала Инга.

Ольга проследила за ее взглядом.

— Кто там?

— Никто.

— Инг.

— Машина напугала.

Ольга не ответила.

Инга снова взяла чашку и тут же поняла, что держит ее слишком крепко. Поставила обратно.

— Не смотри так.

— Как?

— Как будто собираешься измерить мне температуру и вызвать священника.

— Ты третью ночь почти не спишь.

— Сплю.

— Вчера написала мне в четыре двадцать.

— Это не значит, что я не спала. Возможно, я очень дисциплинированно проснулась, написала тебе, что преподаватель похож на серийного убийцу, и снова уснула.

— А позавчера?

— Вдохновение.

— А до этого?

Инга закатила глаза.

— Оля.

— Что?

— Мне двадцать два, а не семь.

— В семь ты хотя бы соглашалась надеть шапку.

— В семь ты меня не знала.

— Уверена, ты и тогда была проблемой.

Инга улыбнулась. Разговор мог закончиться на этом. Обычно заканчивался. Ольга могла быть настойчивой, но знала границы.

Сегодня она их не заметила.

— У тебя опять были эти ощущения? — спросила она тише.

Шум кофейни словно отодвинулся.

Инга посмотрела на нее.

— Какие?

— Что за тобой кто-то идет. Что люди...

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Ольга вздохнула.

— Я просто спрашиваю. Не надо сразу злиться.

— Я не злюсь.

— Хорошо.

Несколько секунд они молчали.

Ольга снова надела кольцо.

— Ладно, — сказала она. — Проехали.

Инга ненавидела ее за это «проехали». Потому что оно означало совсем не «я поверила». Оно означало «я вижу, что ты не хочешь говорить, и пока оставлю тебя в покое».

Пока.

Телефон Инги завибрировал на столе.

МАМА.

Она перевернула его экраном вниз.

— Не возьмешь? — спросила Ольга.

— Нет.

— Она звонила вчера.

— Она звонит каждый день.

— Может, поэтому и звонит, что ты не отвечаешь.

— Вау. Юридическая логика в естественной среде обитания.

— Инга.

— Мы с ней разговаривали в воскресенье. Сорок семь минут. Первые десять она объясняла, почему журналистика не профессия. Потом двадцать — почему мне надо вернуться домой. Остальное время рассказывала, что я неблагодарная.

— А отец?

— А что отец?

— Звонил?

Инга пожала плечами.

— В прошлом месяце.

Ольга отвела взгляд. Сочувствие у нее получалось хуже сарказма. Слишком открытое лицо выдавало все.

— Не жалею меня, — сказала Инга.

— Даже не собиралась.

— Врешь.

— Конечно. Я юрист.

На этот раз они рассмеялись обе.

Через двадцать минут они вышли из кофейни. Снег почти прекратился, но ветер с реки стал сильнее. Ладомирск в такую погоду выглядел выцветшим: серые фасады, черные ветви, желтые окна домов и редкие красные огни машин. До дома Инги было двадцать пять минут пешком, если идти через городской парк, и почти сорок — если обходить по проспекту.

— Только не говори, что мы идем через парк, — сказала Ольга, застегивая пальто.

— Мы идем через парк.

— Там темно.

— Там фонари.

— Половина из них работает через один.

— Значит, половина света у нас гарантирована.

— Потрясающий уровень оптимизма.

Инга сунула руки в карманы.

— Боишься?

Ольга посмотрела на нее с таким выражением, будто вопрос оскорблял ее лично.

— Я однажды в девятом классе вытащила тебя из туалета, где ты спряталась от Кристины Малышевой и двух ее подружек.

— Ты разбила Кристине нос.

— Случайно. Она резко приблизилась к моему локтю.

— Три раза?

Ольга усмехнулась.

— Тем более. Чего мне бояться?

Они свернули к парку.

Старые чугунные ворота давно сняли, остались только две каменные тумбы по бокам дорожки. Днем здесь гуляли матери с колясками, бегали студенты и пенсионеры кормили уток у пруда. После девяти вечера парк менялся. Становился шире. Тише. Дорожки будто вытягивались, а деревья подступали ближе.

Фонари вдоль главной аллеи действительно горели через один.

— Видишь? — сказала Инга. — Романтика.

— Это не романтика. Это муниципальная халатность.

— В тебе умер поэт.

— Его задушил юрист.

Под ногами хрустел мокрый снег.

На первой развилке Ольга взяла Ингу под локоть и потянула вправо.

— Не туда.

— Куда ты меня тащишь?

— К нашему фонарю.

Инга засмеялась.

— Серьезно?

— Абсолютно.

«Наш фонарь» появился у них еще в школьные годы. Тогда они возвращались после дискотеки, соврали родителям, что их заберут на машине, и шли через парк под ливнем. Фонари один за другим погасли, но старый столб у маленького мостика остался гореть. Ольга объявила его счастливым. Инга сказала, что это идиотизм. На следующий день ей поставили пятерку за контрольную, к которой она не готовилась, и Ольга получила доказательство существования магии.

С тех пор правило было простым: если они проходили мимо и фонарь горел, нужно было загадать желание. Если гас во время желания — оно считалось особенно сильным и обязательно должно было исполниться.

— Нам двадцать два и двадцать пять, — напомнила Инга.

— И?

— Ничего. Просто фиксирую возраст участников ритуала.

Ольга остановилась под фонарем.

Лампа тихо потрескивала над ними.

— Закрывай глаза.

— Нет.

— Закрывай.

— Ты ужасный человек.

— Я знаю.

Инга послушалась.

Под веками свет стал красным. Она слышала ветер, дальний гул машин, шорох веток и дыхание Ольги совсем рядом.

Загадывать было нечего.

Она подумала об университете. О матери. О деньгах, которых до конца месяца оставалось меньше, чем хотелось. О странном мужчине у кофейни.

Потом зачем-то подумала: пусть все останется как есть.

Мысль показалась настолько детской, что Инга почти рассмеелась.

И в этот момент свет погас.

Темнота упала сразу.

Инга открыла глаза.

— Ну вот, — весело сказала Ольга. — Теперь точно сбудется.

Где-то за деревьями хрустнула ветка.

Инга резко повернула голову.

На соседней дорожке стоял человек.

Далеко — метров тридцать, не меньше. Темный силуэт между стволами. Лица не видно.

У Инги пересохло во рту.

— Оля.

— М-м?

— Там кто-то есть.

Ольга посмотрела в ту сторону.

Силуэт уже двигался. Человек вышел к дальней аллее,

прошел под светом фонаря — обычный мужчина лет сорока в темной куртке, с пакетом из супермаркета — и исчез за поворотом.

— Маньяк с кефиром, — сказала Ольга.

— Очень смешно.

— Извини.

Свет над ними мигнул и снова загорелся.

Ольга посмотрела на Ингу. На этот раз без улыбки.

— Ты правда напугана.

— Я не напугана.

— Инга.

— Просто показалось, что он стоял и смотрел.

— На нас?

— На меня.

Ольга промолчала.

— Тот же человек, что у кофейни?

Инга хотела сказать «да».

Она уже почти сказала.

Но вспомнила капюшон, темную фигуру под навесом, лицо, которого на самом деле не видела. Этот мужчина был ниже. Или выше. Она не могла понять.

— Не знаю.

Ольга осторожно взяла ее за руку.

— Давай завтра поговорим нормально.

— Мы и сейчас нормально разговариваем.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Нет.

— Понимаешь.

Инга высвободила руку.

Не резко. Почти незаметно.

Но Ольга заметила.

— Я не сумасшедшая, — сказала Инга.

Ольга нахмурилась.

— Я этого не говорила.

— Пока.

— Господи, Инг. Я вообще не об этом.

— Тогда о чем?

— О том, что ты не спишь. Нервничаешь. Вздрагиваешь от машин. Тебе кажется, что кто-то за тобой ходит. Я волнуюсь.

— Мне не кажется.

Ответ вырвался раньше, чем она успела его остановить.

Ольга замолчала.

Свет фонаря потрескивал над ними.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Тогда тем более надо разобраться.

— «Разобраться»?

— Не цепляйся к словам.

— Я не цепляюсь.

— Цепляешься.

— Потому что ты разговариваешь со мной как с ребенком.

— А ты ведешь себя так, будто я враг.

Они обе замерли.

Ольга первой отвела взгляд.

— Ладно. Прости.

Инга почувствовала знакомый стыд — быстрый, горячий, злой.

— Нет, это ты прости.

— Я первая сказала.

— У тебя патологическая потребность побеждать даже в извинениях.

— Я юрист.

Инга не удержалась и улыбнулась.

Ольга толкнула ее плечом.

— Пошли. Я провожу тебя до дома.

— Тебе в другую сторону.

— Переживу.

Они пошли дальше.

На выходе из парка Ольга вдруг остановилась.

— Инг.

— Что?

— Если бы у меня была какая-то проблема... серьезная... ты бы хотела, чтобы я тебе рассказала?

Инга посмотрела на нее.

Кольцо снова вращалось на пальце.

— Конечно хотела бы.

— Даже если бы тебе не понравилось то, что я скажу?

— Особенно тогда.

Ольга кивнула, будто получила ответ не на тот вопрос, который задала вслух.

— Хорошо.

— Оля.

— Завтра.

— Что завтра?

— Расскажу завтра. Сегодня я слишком устала.

— Ты специально делаешь это, чтобы я не спала еще одну ночь?

— Вот. Значит, будет повод написать мне в четыре двадцать.

Инга показала ей средний палец.

Ольга рассмеялась.

Через пять минут они дошли до Ингиного дома. На прощание Ольга обняла ее — крепко и дольше обычного.

— Напиши, когда поднимешься.

— Ты стоишь у подъезда.

— А вдруг лифт тебя съест?

— Тогда тебе достанется мой холодильник.

— Кетчуп не заедай. У меня есть.

Инга вошла в подъезд и обернулась через стеклянную дверь.

Ольга все еще стояла на улице и смотрела ей вслед.

Инга подняла руку.

Ольга ответила тем же.

Лифт пришел почти сразу.

Уже на четвертом этаже телефон снова завибрировал.

Мама.

Инга сбросила вызов.

Потом увидела сообщение от Ольги.

«Только не накручивай себя. Завтра поговорим. Обещаю».

Инга перечитала его дважды.

Она не знала, почему последнее слово ей не понравилось.

На девятом этаже лифт дернулся и остановился. Двери разъехались.

В коридоре было темно.

Лампочка над ее квартирой мигнула один раз.

Потом второй.

И погасла.

Глава 2

Утром Ладоминск выглядел так, будто ночь не закончилась, а просто стала светлее.

Инга поняла это, когда вышла из общежития факультета журналистики — старого корпуса университета, пристроенного к бывшему купеческому дому, — и увидела над крышами низкое серое небо. Снег за ночь растаял, тротуары блестели водой, а редкие прохожие двигались по улице с тем выражением лиц, которое бывает у людей, вынужденных существовать раньше десяти утра.

Инга была с ними солидарна.

Она спала три часа.

Если точнее — два часа сорок семь минут, потому что в четыре тринадцать проснулась от ощущения, будто кто-то позвонил в дверь. Инга лежала, глядя в темноту, и ждала второго звонка. Его не было. Потом в подъезде хлопнула дверь, по лестнице прошли шаги, остановились где-то этажом ниже, и до половины шестого она убеждала себя, что не прислушивается.

К семинару по журналистскому расследованию она пришла с кофе размером с ведро и десятиминутным опозданием.

— Романова, — сказал Леонид Петрович, не отрываясь от листа посещаемости. — Какая неожиданность.

— Я тоже рада вас видеть.

— Особенно после вчерашнего исследования влияния сна на академическую успеваемость?

Инга замерла в дверях.

С заднего ряда донеслось хихиканье.

— Ольга вам позвонила?

Преподаватель поднял голову поверх очков.

— Кто такая Ольга?

Инга оглянулась на аудиторию. Лера Савина, сидевшая у окна, прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Инга рухнула на свободный стул рядом с Лерой.

Та наклонилась к ней.

— У тебя лицо человека, который ночью закапывал тело.

— Спасибо.

— Я хотела сказать: очень свежее.

— Стало лучше.

— Всегда рада поддержать.

Леонид Петрович щелкнул пультом, и на экране появилась фотография какой-то облупленной пятиэтажки.

— Итак. Главная ошибка начинающего расследователя?

— Начать расследование, — пробормотала Инга.

Лера прыснула.

— Романова, я слышу даже то, что не хочу слышать.

— Сочувствую.

— Главная ошибка — влюбиться в собственную версию.

Если вы решили, что нашли виновного, ваш мозг начинает

услужливо отбрасывать все, что этой версии мешает. Поэтому правило первое: факт должен оставаться фактом, даже если он вам не нравится. Правило второе: источник может врать. Правило третье: вы сами можете ошибаться.

Инга сделала глоток кофе.

«Вы сами можете ошибаться» почему-то зацепилось за мысль, как нитка за заусенец.

Она посмотрела на телефон.

От Ольги ничего не было.

Вчера они договорились встретиться сегодня после ее работы. «Расскажу завтра. Обещаю» — сообщение все еще висело в переписке.

Инга написала:

«Ты жива, адвокат?»

Через минуту появились две серые галочки.

Ответа не было.

Она убрала телефон.

— Сегодня разбираем земельные схемы, — продолжил Леонид Петрович. — Потому что коррупция, дети мои, любит недвижимость сильнее, чем вы любите кофе и чужие тайны.

Инга снова посмотрела на экран.

Через двадцать минут телефон коротко завибрировал.

«Работа. Не убивай. Напишу позже».

Инга улыбнулась.

«Я подумаю».

Ответ пришел почти сразу:
«И не приезжай ко мне. Seriously».

Улыбка исчезла.

Инга перечитала сообщение.

Лера заглянула через плечо.

— Парень?

— Подруга.

Инга положила телефон экраном вниз.

Она знала Ольгу девять лет. Знала ее «не приезжай, я занята», знала «не приезжай, у меня дома такой бардак, что санитарная служба объявит карантин», знала «не приезжай, я сейчас с человеком, которого завтра буду стыдиться».

Но «серьезно» Ольга добавляла редко.

И именно поэтому к половине второго Инга уже стояла у стеклянных дверей бизнес-центра на Садовой улице.

Юридическая компания «Корнев и партнеры» занимала четвертый этаж. На стене в холле висели фотографии Ладоминска, снятые так, что город казался местом, где никто никогда не ругается в маршрутках и не выбрасывает пакеты с мусором мимо контейнера. Река — серебряная. Парк — золотой. Ратуша — торжественная.

Инга смотрела на фотографию парка, пока девушка за стойкой администратора звонила Ольге.

— Она просила никого к ней не пускать, — сказала девушка.

— Я не «никто». Я еда.

Инга приподняла бумажный пакет из кофейни.

Администратор посмотрела на него без уважения.

— Вы курьер?

— В каком-то смысле.

— Имя?

— Инга Романова.

Девушка повторила его в трубку.

На том конце что-то сказали.

Администратор медленно подняла брови.

— Она просит передать, что вы... — девушка запнулась.

— Что именно?

— Что вы не умеете читать.

— Это профессиональная проблема журналистов.

Администратор впервые улыбнулась.

— Пять минут.

— Я уложусь в семь.

Инга успела дойти до конца коридора, когда дверь большого переговорного зала открылась.

Первым вышел мужчина лет пятидесяти в темно-синем костюме. Высокий, гладко выбритый, с серебряными волосами и лицом человека, которому никогда не приходилось спрашивать цену до заказа. За ним — Павел Корнев. Инга видела его раньше только на сайте фирмы: сорок с небольшим, короткая стрижка, дорогие часы, улыбка, созданная для фотографий в деловой прессе.

Ольга вышла последней.

Увидела Ингу.

Остановилась.

— Ты издеваешься?

— Я принесла обед.

Корнев перевел взгляд с Ольги на Ингу.

— Знакомая?

— Подруга, — сказала Ольга чуть быстрее обычного.

Мужчина с серебряными волосами тоже посмотрел на Ингу. Не просто скользнул взглядом — задержался на лице, будто запоминал.

Инге это не понравилось.

— Павел Андреевич, я через пять минут вернусь, — сказала Ольга.

— Через три.

Корнев не улыбнулся.

Они с мужчиной ушли к лифтам.

Ольга схватила Ингу за локоть и завела в маленькую пустую кухню.

— Какая часть фразы «не приезжай» была недостаточно ясной?

— Часть, где ты решила, что можешь мной командовать.

— Инга.

— Я принесла тебе суп.

— Мне не нужен суп.

Ольга закрыла глаза и медленно выдохнула.

Инга поставила пакет на стол.

— Ты обещала поговорить.

— Поговорим вечером.

— Ты написала «не приезжай. Серьезно», как человек, которого держат в заложниках.

— А ты решила приехать прямо к заложникам?

— Видишь? Хорошо, что я учусь на журналиста, а не на переговорщика.

Ольга не рассмеялась.

Это было хуже всего.

Инга прислонилась к столу.

— Кто этот седой?

— Клиент.

— Тот самый странный?

— Инг, хватит.

— Хорошо. Не клиент. Кто Корневу настроение испортил?

Ольга посмотрела на дверь кухни, потом на нее.

— Ты должна сейчас уйти.

— Почему?

— Потому что я прошу.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Инга почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Не сильное, еще почти управляемое.

— Вчера ты сама начала этот разговор.

— И зря.

— А сегодня делаешь вид, что ничего не происходит.

— Потому что я не могу обсуждать работу.

— Ты говорила, что проблема серьезная.

— Я сказала «если бы была проблема».

— Нет. Ты спросила: «если бы у меня была серьезная проблема, ты бы хотела знать?»

Ольга молчала.

— Я помню слова, — сказала Инга.

— Я знаю.

— Тогда не делай из меня идиотку.

Лицо Ольги смягчилось.

— Послушай. Есть вещи, которые я не имею права рассказывать. Не потому что тебе не доверяю. Именно потому что доверяю.

— Отличная юридическая формулировка. Ничего не значит, но звучит солидно.

— Инга.

— Ладно. Ухожу.

Она резко оттолкнулась от стола.

Ольга поймала ее за рукав.

— Подожди.

Инга посмотрела на ее руку.

Ольга отпустила.

— Спасибо за суп.

— Пожалуйста.

— И прости.

— За что?

— За то, что веду себя как психованная.

Слово ударило неприятно, хотя Ольга говорила о себе.

Инга отвела взгляд.

— Да ладно.

— Вечером позвоню.

— Обещаешь?

Ольга криво улыбнулась.

— После вчерашнего я боюсь этого слова.

Инга тоже улыбнулась, но холод внутри не ушел.

На улице ветер швырнул ей в лицо мелкий дождь.

Инга натянула капюшон и пошла к остановке.

Через дорогу, у припаркованного темного «Форда», стоял мужчина.

Темная куртка. Серый шарф. Пакета из супермаркета на этот раз не было.

Он смотрел на вход в бизнес-центр.

Инга остановилась.

Мужчина повернул голову.

Их взгляды встретились.

На этот раз она увидела лицо ясно: широкие скулы, короткая щетина, темные круги под глазами. Лет сорок, может, сорок пять.

Не тот, кто стоял у кофейни.

Или тот?

Она не могла вспомнить лица под капюшоном, потому что

лица не видела.

Мужчина достал телефон.

Инга шагнула к пешеходному переходу.

Загорелся красный.

По улице прошел автобус, на секунду перекрыв обзор.

Когда он проехал, мужчины уже не было.

Инга почувствовала, как сердце ускоряется.

Она достала телефон и набрала Ольгу.

Та ответила только с третьего гудка.

— Ты уже ушла?

— У вашего здания мужик.

Пауза.

— Какой мужик?

— Темная куртка, серый шарф. Стоял у машины и смотрел на вход.

Ольга ничего не сказала.

— Оля?

— Ты уверена?

Инга посмотрела на пустое место у «Форда».

— Да.

— Он за тобой шел?

— Нет. Кажется, нет.

Еще одна пауза.

— Как он выглядел?

Инга описала.

— Ты его знаешь? — спросила она.

— Нет.

Слишком быстро.

— Врешь.

— Инга, сейчас не время.

— Ты его знаешь.

— Я сказала — нет.

Ольга понизила голос:

— Иди в людное место. Не домой. В кафе, магазин, куда угодно. Я закончу и приеду.

У Инги пересохло во рту.

— Ты пять минут назад говорила, что я накручиваю себя.

— Я такого сегодня не говорила.

— Но подумала.

— Сейчас это неважно.

— Что происходит?

— Ничего, что я могу объяснить по телефону.

— Ты издеваешься.

— Инга, пожалуйста.

За ее спиной кто-то кашлянул.

Инга резко обернулась.

Пожилая женщина ждала зеленого сигнала рядом и недовольно посмотрела на нее.

— Хорошо, — сказала Инга.

— Куда пойдешь?

— В «Север».

— Сиди там. Я приеду.

— Оля.

— Что?

— Мне это не нравится.

В трубке послышался короткий нервный смешок.

— Мне тоже.

Связь оборвалась.

Ольга приехала через сорок минут. Не одна — вместе с высоким худым мужчиной в очках, которого Инга прежде не видела. Он остался у машины, а Ольга вошла в кафе.

— Кто это? — спросила Инга вместо приветствия.

— Коллега. Кирилл Астахов.

— Он знает?

— Что?

— Что бы там ни происходило.

— Отчасти.

— Прекрасно. Значит, коллеге можно, мне нельзя.

Ольга села напротив, сняла перчатки. На указательном пальце правой руки был свежий порез, заклеенный тонкой полоской пластыря.

— Ты поранилась?

— Бумагой.

— Очень юридическая травма.

— Смертельно опасная профессия.

На секунду они обе улыбнулись.

Потом Инга кивнула на улицу.

— Кто тот мужчина?

— Не знаю наверняка.

— Уже лучше.

— Возможно, человек, с которым я встречалась по работе.

— Возможно?

— Он не должен был приходить к офису.

— Он следит за тобой?

— Не знаю.

— За мной?

Ольга посмотрела ей прямо в глаза.

— Вот поэтому я не хотела тебе рассказывать.

— Ты еще ничего не рассказала.

— И не буду сегодня.

Инга рассмеялась коротко и без веселья.

— Гениально.

— Послушай меня. Если увидишь его снова — не подходи. Не фотографируй. Не играй в расследователя.

— А если он подойдет ко мне?

Ольга задумалась.

— Звони мне. Если не отвечу — в полицию.

— Ты сейчас серьезно?

— Да.

У Инги внутри что-то неприятно сжалось.

— Тогда тебе самой надо в полицию.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что у меня нет оснований.

— Мужик караулит тебя у офиса.

— Это не преступление.

— Он следил за нами вчера.

— Мы не знаем, что это был он.

Инга замолчала.

Она вдруг вспомнила слова Леонида Петровича: факт должен оставаться фактом.

— Хорошо, — сказала она. — Не знаем.

Ольга внимательно посмотрела на нее.

— Ты спала?

— Не меняй тему.

— Я не меняю.

— Три часа.

— Сегодня остаешься у меня.

— С чего вдруг?

— Потому что у меня нормальный диван, еда и дверь, которая не выглядит так, будто ее открывали ногой в девяносто восьмом.

— У меня прекрасная дверь.

— У тебя дверь с характером.

— Я не хочу к тебе.

— Тогда я к тебе.

Инга нахмурилась.

— А работа?

— Пошла она к черту.

Это уже было не похоже на Ольгу.

Они приехали к Инге после восьми. По дороге купили пищу, молоко, яйца и, по настоянию Ольги, «продукты, которые нельзя использовать как деталь интерьера». Ольга всю дорогу проверяла зеркало заднего вида. Делала это незаметно, но Инга заметила.

У дома никого не было.

В квартире Ольга первым делом прошла по комнатам, заглянула на балкон и даже открыла шкаф в прихожей.

Инга прислонилась к стене.

— Если там убийца, надеюсь, он хотя бы повесил пальто на плечики.

— Не смешно.

— Немного смешно.

Ольга поставила сумку на стул.

— Можно у тебя кое-что оставить?

— Труп?

— Книгу.

— Еще хуже.

Она достала из сумки толстый темно-зеленый том с золотым тиснением на корешке: «Комментарий к земельному законодательству».

Инга посмотрела на нее.

— Положи куда-нибудь.

— Почему не у себя?

— Потому что у меня все шкафы забиты.

— Ложь номер двести семьдесят четыре.

— Записываешь?

— Я журналист.

Ольга подошла к книжной полке и сама втиснула том между «Мастером и Маргаритой» и старым школьным атласом.

— Не трогай, ладно?

— Теперь я обязательно его прочитаю.

— Тогда это идеальная защита. Я уверена, ты не переживешь первую страницу.

Инга бросила в нее диванной подушкой.

Ольга поймала ее и наконец рассмеялась — нормально, громко, как всегда.

На несколько минут все стало прежним.

Они ели пищу прямо из коробки, смотрели идиотское реалити-шоу и спорили, кто из участников первым окажется в тюрьме. Потом Ольга позвонила матери и напомнила, что завтра они придут на обед.

— «Они»? — переспросила Инга.

— Ты идешь со мной.

— Меня приглашали?

— Мама приготовила на шестерых, хотя нас будет четверо. Это приглашение, угроза и крик о помощи одновременно.

— А Алексей будет?

— К сожалению.

— Он меня любит.

— Он терпит тебя, потому что мама запретила ему рычать

на гостей.

— Почти любовь.

Позже, когда Ольга уснула на диване, Инга еще долго лежала в кровати и смотрела в потолок.

За стеной тихо работал холодильник. В трубе шуршала вода. С улицы иногда доносился шум машин.

В два семнадцать ей показалось, что в коридоре скрипнула половица.

Инга приподнялась на локте.

Тишина.

Она прислушалась.

Снова звук.

Медленный. Осторожный.

Инга встала, босиком вышла из спальни и увидела Ольгу у книжной полки.

Та стояла спиной к ней и держала в руках зеленый том.

— Что ты делаешь? — спросила Инга.

Ольга вздрогнула.

Книга едва не выпала.

— Господи. Ты меня напугала.

— Ты сама ночью шарись по моей квартире.

— Не спится.

— И решила почитать земельное законодательство?

Ольга посмотрела на книгу, потом на Ингу.

— У каждого свои извращения.

— Ты что-то туда положила?

На долю секунды Ольга замерла.

Совсем недолго.

Но Инга увидела.

— Нет.

— Оля.

— Иди спать.

— Ты что-то туда положила.

— Инга.

— Покажи.

Ольга прижала книгу к груди.

— Нет.

Это простое слово прозвучало слишком жестко.

Инга почувствовала, как по коже прошел холодок.

— Почему?

— Потому что это мое.

— В моей квартире.

— На один день.

— Что там?

— Не твое дело.

Они смотрели друг на друга в полутьме.

Потом Ольга закрыла глаза.

— Черт. Прости.

Инга ничего не ответила.

— Я не хотела так сказать.

— Но сказала.

— Да.

— Значит, так и думаешь.

— Нет. Значит, я устала и боюсь.

Последнее слово повисло между ними.

Инга медленно выдохнула.

— Чего?

Ольга посмотрела на зеленую обложку.

— Пока не знаю.

— Это очень плохой ответ.

— Другого у меня нет.

Она вернула книгу на полку.

— Завтра после обеда все объясню. Без загадок. Хорошо?

Инга хотела напомнить про вчерашнее обещание.

Не стала.

— Хорошо.

Ольга подошла и обняла ее.

Инга обняла в ответ не сразу.

Через плечо подруги она смотрела на темно-зеленый ко-
решок.

Ей казалось, что книга смотрит на нее в ответ.

Глава 3

Квартира Марины Сергеевны пахла укропом, печеным мясом и чем-то сладким, что еще стояло в духовке.

Инга едва успела снять ботинки, когда мать Ольги обняла ее так, будто они не виделись год.

— Какая ты худая.

— Здравствуйте, Марина Сергеевна.

— «Здравствуйте» она мне говорит. Иди сюда.

Инга послушно выдержала второе объятие.

Из кухни донесся голос:

— Мам, она не станет толще, если ты ее сожмешь.

— Алексей, занимайся салатом.

— Я режу хлеб.

— Вот и режь молча.

Ольга закрыла дверь и тихо сказала Инге:

— Добро пожаловать в семью, где любовь измеряют количеством еды и громкостью замечаний.

— Лучше моей.

Слова вырвались сами.

Ольга посмотрела на нее.

Инга улыбнулась, показывая, что это шутка.

Ольга сделала вид, что поверила.

Марина Сергеевна была невысокой женщиной с такими же голубыми глазами, как у дочери, только взгляд у нее был

мягче. Светлые волосы она коротко стригла и красила сама, из-за чего у виска почти всегда оставалось едва заметное темное пятно. Инга знала эту квартиру столько лет, что могла найти сахар с закрытыми глазами.

Алексей стоял у кухонного стола и действительно резал хлеб. Старше Ольги на семь лет, широкоплечий, темноволосый, с привычно недовольной складкой между бровями. Он работал мастером в сервисном центре и считал галстуки, офисы и юридические формулировки разными формами мошенничества.

— Живая, — сказал он, увидев Ингу.

— Разочарован?

— Пока нет.

— Леша, — предупредила мать.

— Я поздоровался.

Ольга забрала у него нож.

— Ты хлеб режешь так, будто он тебе должен денег.

— В вашем мире это называется взысканием задолженности.

— В нашем мире тебя бы не взяли даже секретарем.

— Слава богу.

Инга села за стол и вдруг поймала себя на том, что улыбается.

В семье Ольги все разговаривали одновременно, перебивали друг друга, спорили о том, сколько соли нужно в салат, и могли поссориться из-за неправильно поставленной

кастрюли. Но в этом шуме не было опасности.

У Инги дома тишина часто была громче крика.

Телефон в кармане завибрировал.

Она достала его.

Мама.

Инга нажала «отклонить».

— Опять? — спросила Ольга, ставя тарелки.

— Не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Но собиралась.

— Я собиралась спросить, будешь ли ты картошку.

— Буду.

— Видишь, какая я деликатная.

Марина Сергеевна поставила на стол большую форму с мясом.

— Инга, мама твоя как?

— Хорошо.

— Передавай привет.

— Передам.

Она не передаст.

Последний раз, когда мать Инги видела Ольгу, она после ее ухода сказала: «Ты слишком привязалась к этой девочке». Как будто дружба была заболеванием, которое следовало лечить дистанцией.

Инга не рассказала Ольге.

— А ты все учишься? — продолжила Марина Сергеевна.

— Иногда.

— Очень смешно, — сказала Ольга. — Она талантливая.

Просто ленивая.

— Я не ленивая. Я экономлю ресурс.

— Для чего?

— Пока не решила.

Алексей усмехнулся.

— Журналистика. Будешь по подъездам бегать и спрашивать соседей, каким был убийца в детстве.

— Если понадобится, приду к тебе за экспертным комментарием.

— Я скажу, что всегда был тихим мальчиком.

— Никто не поверит.

Марина Сергеевна перекрестилась.

— Господи, что вы за столом такое говорите?

— Это Инга начала, — сказал Алексей.

— Конечно.

Они смеялись, когда у Ольги зазвонил телефон.

Она посмотрела на экран.

Улыбка исчезла.

Инга заметила.

Алексей тоже.

— Он опять? — спросил брат.

Ольга сбросила вызов.

— Не твое дело.

— Значит, он.

— Кто? — спросила Инга.

— Никто, — сказала Ольга.

— Егор, — одновременно сказал Алексей.

Ольга метнула в него взгляд.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Инга отложила вилку.

— Егор звонит?

— Иногда.

— Ты говорила, что заблокировала его.

— Он меняет номера.

— Зачем?

Ольга пожала плечами.

— Потому что не умеет принимать слово «нет».

— Я ему объясню, — сказал Алексей.

— Сиди.

— Я сижу.

— И продолжай.

— Он тебя трогает?

Ольга закатила глаза.

— Леш, мы расстались полгода назад. Он несколько раз звонил. Все.

— Пять минут назад было «иногда».

— Господи.

Инга внимательно смотрела на подругу.

Егор Седов появился в жизни Ольги два года назад и ис-

чез из нее с таким количеством хлопающих дверей, что даже Инга, привыкшая к ее романтическим катастрофам, запомнила. Он был старше, работал коммерческим директором в автомобильной компании, умел быть обаятельным, пока все происходило по его правилам, и превращался в другого человека, когда ему отказывали.

Однажды Ольга пришла к Инге с синяком на запястье.

Сказала, что ударилась о шкаф.

Инга не поверила.

Через неделю они расстались.

— Он знает, где ты работаешь? — спросила Инга.

— Конечно знает.

— Он мог быть вчера у офиса?

Ольга покачала головой.

— Нет. Тот мужчина не Егор.

Алексей перестал жевать.

— Какой мужчина?

Тишина за столом наступила мгновенно.

Ольга медленно повернулась к Инге.

— Отлично.

— Что? Я не знала, что это секрет.

— Уже знаю, — сказал Алексей. — Рассказывай.

— Нечего рассказывать.

— Оль.

— Мужчина стоял возле офиса. Возможно, ждал кого-то.

Инга решила, что он за мной следит.

— Не «решила». Ты сама сказала мне идти в людное место.

Марина Сергеевна побледнела.

— Оля, что происходит?

— Ничего.

— Когда ты говоришь «ничего», обычно происходит какая-нибудь дрянь, — сказал Алексей.

— Спасибо за доверие.

— Это опыт.

Ольга положила вилку.

— Есть сложный клиент. Есть человек, который передал мне информацию. Возможно, вчера у офиса был он. Возможно, нет. Я разберусь.

— Ты работаешь юристом второй год, а разговариваешь уже как депутат, — сказал Алексей. — «Есть человек, есть информация».

— Потому что я не могу рассказывать детали.

— Ты вляпалась?

— Нет.

— Врешь.

Инга увидела, как пальцы Ольги нашли серебряное кольцо.

Один оборот.

Второй.

Третий.

— Давайте сменим тему, — сказала Марина Сергеевна

слишком бодро. — Инга, у вас когда практика начинается?

Но тема уже не менялась.

Она просто ушла под стол и осталась там до конца обеда.

После еды Марина Сергеевна отправила Алексея мыть посуду, потому что «мужчина с руками должен быть полезен хотя бы раз в неделю». Ольга вышла на балкон ответить на очередной звонок.

Инга осталась на кухне и машинально вытирала тарелки.

— Не давай ей лезть в глупости, — тихо сказал Алексей.

— Ты это мне?

— А кому еще?

— Тебе тридцать два. Сам запрети младшей сестре что-нибудь. Посмотрю.

— Меня она пошлет.

— Меня тоже.

— Тебя чуть мягче.

Инга поставила тарелку в шкаф.

— Ты правда думаешь, что у нее проблемы?

Алексей потер подбородок.

— Я думаю, Корнев мудака.

— Очень содержательно.

— Я его видел два раза. Мне хватило.

— Это аргумент уровня комментариев в интернете.

— Хочешь аргумент? Год назад Ольга работала до одиннадцати вечера, потому что один важный клиент решил, что срочный договор нужно подготовить за ночь. Через неделю

Корнев рассказывал на конференции, как лично спас сделку. Такие люди, когда пахнет жареным, первыми найдут крайнего.

Инга посмотрела на балкон.

Ольга стояла к ним спиной, прижимая телефон к уху.

— Она чего-то боится, — сказала Инга.

— Я вижу.

— Но не рассказывает.

— Потому что идиотка.

— Семейное?

— Видимо.

Он посмотрел на нее и добавил:

— Если что-то случится — звони мне. Не геройствуй.

Инга фыркнула.

— Вы сегодня все сговорились?

— Кто «все»?

— Никто.

Ольга вернулась на кухню через несколько минут.

— Мы пойдем, — сказала она.

— Куда? — спросила мать.

— Пройдемся.

— На улице дождь.

— Тогда промокнем.

Марина Сергеевна вздохнула так, будто лично отвечала за погоду.

Перед уходом она сунула Инге контейнер с пирогом.

— Поешь вечером.

— Спасибо.

— И маме позвони.

Инга улыбнулась.

— Обязательно.

В подъезде Ольга молчала до самого первого этажа.

Когда дверь за ними закрылась, она повернулась к Инге.

— Зачем ты сказала про мужчину?

— Случайно.

— Я просила никому.

— Нет, не просила.

Ольга открыла рот.

Закрыла.

— Хорошо. Не просила.

— И вообще, это твоя семья.

— Именно поэтому.

— Они переживают.

— Мне сейчас не нужно, чтобы мама не спала ночами, а

Алексей караулил под офисом с монтировкой.

— Он бы взял ключ на тридцать два. Монтировка слишком театрально.

Ольга не улыбнулась.

Инга вздохнула.

— Прости.

— Ладно.

Они пошли вдоль домов. Мелкий дождь висел в воздухе,

почти не падая. Ольга натянула капюшон.

— Ты обещала рассказать, — напомнила Инга.

— Знаю.

— Это уже третий день.

— Второй.

— Эмоционально — пятый.

Ольга остановилась у закрытой детской площадки.

За сетчатым забором мокрые качели медленно двигались от ветра.

— У нас есть клиент, — сказала она. — Компания, связанная с застройкой.

— Седой?

— Он представляет одну из структур.

— Как зовут?

— Не скажу.

— Началось.

— Дай договорить.

Инга замолчала.

— Они оформляют земельный участок на набережной. Большой. Очень дорогой. По документам все почти чисто. Именно «почти» мне и не понравилось.

— Что не так?

— Цепочка собственников. Даты. Несколько подписей. Решение городского комитета появилось раньше, чем заявление, на основании которого его якобы приняли.

Инга нахмурилась.

— Так бывает?

— Случайно? Нет.

— А неслучайно?

— Очень даже.

— Корнев знает?

Ольга посмотрела на нее.

Этого было достаточно.

— Черт, — сказала Инга.

— Я не говорила, что знает.

— Ты так посмотрела.

— В суде твое «она так посмотрела» не примут.

— Я не в суде.

— И хорошо.

Ольга пошла дальше.

Инга догнала ее.

— Ты нашла подделку?

— Возможно.

— Кто тот мужчина у офиса?

— Человек из городского земельного комитета. Виктор

Сазонов. Он сам со мной связался неделю назад.

— Значит, ты его знала.

— По телефону. Лично увидела впервые два дня назад.

— Ты соврала мне.

Ольга остановилась.

— Да.

Прямой ответ оказался неприятнее оправданий.

— Почему?

— Потому что ты увидела какого-то человека в парке, потом у кофейни. Ты не спишь. Ты напряжена. Я не хотела давать тебе еще одну причину думать, что за нами следят.

— Но за тобой действительно следят.

— Мы этого не знаем.

— Он стоял у офиса.

— Возможно, потому что хотел поговорить.

— И исчез, когда я к нему пошла.

— Возможно, испугался.

— Чего?

— Он передает внутренние документы. Если выяснится, кто он, у него будут проблемы. Большие.

Инга почувствовала странное облегчение.

Все объяснялось.

Мужчина существовал. Он не был придуманным силуэтом. Ольга его знала. Ее тревога была настоящей.

— То есть я не накрутила себя, — сказала она.

Ольга посмотрела на нее с усталым выражением.

— В этот раз — нет.

«В этот раз».

Два слова легли между ними тяжелее, чем должны были.

— Спасибо, — холодно сказала Инга.

— Я не это имела в виду.

— Конечно.

— Инга.

— Что?

— Не начинай снова.

— Я ничего не начала.

Телефон Инги завибрировал.

Номер был незнакомый.

Сообщение состояло из одной строки.

«Передай своей подруге: чужие документы лучше не трогать».

Инга остановилась.

Ольга прошла еще два шага, заметила и обернулась.

— Что?

Инга молча показала экран.

Лицо Ольги изменилось.

Не театрально. Просто из него исчез цвет.

— Откуда у них твой номер?

— Хороший вопрос.

— Ты где-нибудь оставляла его? В офисе?

— У администратора было только имя.

Ольга быстро огляделась.

На улице почти никого. Мужчина с собакой у соседнего подъезда. Женщина под зонтом. Автобус у светофора.

— Перешли мне, — сказала Ольга.

— И что дальше?

Инга сделала скриншот и отправила.

— Теперь блокируй номер.

— А если они напишут еще?

— Именно поэтому.

— Это может быть доказательством.

— Скриншот есть.

— Ты теперь пойдешь в полицию?

Ольга сжала губы.

— Сначала поговорю с одним человеком.

— С Корневым?

— Нет.

— С Сазоновым?

— Нет.

— С кем?

— Инга.

— Ты опять.

— Потому что я пытаюсь сделать так, чтобы тебя это не касалось.

Инга уставилась на нее.

— Уже касается. Они написали мне.

— И поэтому ты больше ничего не будешь делать.

— Ты не можешь решать за меня.

— Могу попросить.

— А если откажусь?

Ольга неожиданно взяла ее за плечи.

— Тогда я очень серьезно тебя попрошу.

— Звучит страшно.

— Да, мне страшно.

Это остановило Ингу.

Она смотрела в голубые глаза подруги и впервые за эти дни увидела в них не раздражение, не усталость, а настоящий страх.

— Хорошо, — тихо сказала она.

Ольга отпустила ее.

— Спасибо.

— Но книгу я открою.

— Какую книгу?

— Которую ты спрятала у меня.

— Инга.

— Шучу.

— Ты ужасный человек.

— Училась у тебя.

Ольга рассмеялась — коротко, нервно — и обняла ее одной рукой.

— Поехали ко мне. Сегодня ты одна не останешься.

— Мне утром в университет.

— От меня ближе.

— У тебя нет кофе.

— Купим.

— У тебя ужасная подушка.

— Ты сейчас выбираешь между моей подушкой и потенциальными преступниками?

Инга подумала.

— Подушка реально ужасная.

На этот раз Ольга засмеялась громче.

Они пошли к остановке.

Через дорогу медленно проехал темный автомобиль.

Инга машинально проводила его взглядом.

Номер она не запомнила.

Только последние две цифры — сорок семь.

Или семьдесят четыре.

Она повторила их про себя несколько раз.

К тому моменту, когда подъехал автобус, Инга уже не была уверена ни в одной.

Глава 4

В понедельник Инга впервые за долгое время проспала почти семь часов.

Это должно было помочь.

Она проснулась с тяжелой головой и ощущением, что забыла что-то важное. Несколько секунд лежала на диване Ольги, смотрела на белый потолок и не понимала, где находится.

Потом из кухни донесся звон посуды.

— Если ты убила мою кружку, я свидетельствовать против тебя не буду, — крикнула Инга.

— Доброе утро, солнышко.

— Отвратительно бодрый голос.

— Семь сорок пять.

Инга закрыла глаза.

— Тогда это вообще преступление.

Ольга появилась в дверях уже одетая: черные брюки, светлая рубашка, волосы собраны в хвост. В одной руке кружка, в другой телефон.

— Я сварила кофе.

— Беру назад все плохое, что о тебе думала.

— Даже про подушку?

Инга повернула голову и посмотрела на комод под щекой.

— Нет. Это не подушка. Это преступление против позво-

ночника.

Ольга бросила в нее носком.

Инга села и заметила, что подруга опять смотрит в телефон.

— Писали?

— Кто?

— Те, кто знает мой номер.

Ольга поколебалась.

— Нет.

— Сазонов?

— Тоже нет.

— Корнев?

— Он пишет мне с шести утра. Это считается угрозой?

— Однозначно.

Инга протянула руку за кофе.

На экране Ольгиного телефона вспыхнул входящий вызов.

Егор.

Ольга сбросила.

— Он очень настойчивый, — сказала Инга.

— Он очень безработный в душе.

— Может, сказать Алексею?

— Нет.

— Почему ты вообще ему отвечаешь?

— Я не отвечаю.

— Тогда зачем он звонит?

— Потому что мир несовершенен.

Ольга положила телефон экраном вниз.

— Сегодня после учебы — домой. Ни в офис, ни в парк, ни в логово коррупционеров.

— А где логово коррупционеров?

— Если узнаю — тебе не скажу.

— Я все равно найду.

Ольга посмотрела на нее.

— Вот это меня и беспокоит.

Инга усмехнулась, но взгляд подруги остался серьезным.

— Я обещала, — сказала она. — Не полезу.

— Ты обещала «ничего не делать» ровно тем тоном, которым люди обещают родителям не пить на выпускном.

— Я на выпускном не пила.

— Ты пришла домой в пять утра в чужой куртке.

— Я замерзла.

— И без одного ботинка.

— Не меняй тему.

— Я пытаюсь понять, насколько твои обещания имеют юридическую силу.

— Ноль.

— Я так и думала.

В университете Леонид Петрович объявил самостоятельную работу.

— У вас два часа. Выберите любую городскую компанию, которая за последние три года получала землю, муниципаль-

ные контракты или разрешения на строительство. Соберите открытые данные. Учредители, директора, связи, судебные дела, адреса. Никаких выводов. Только факты.

Лера наклонилась к Инге.

— Возьмем пекарню у метро? Они явно что-то скрывают. Нормальный человек не продает слойку за триста рублей.

Инга уже открывала ноутбук.

— Ты бери пекарню.

— А ты?

Инга вспомнила сереброволосого мужчину, выходявшего из переговорной.

Название компании она не знала.

Но фотография на сайте «Корнев и партнеры» с недавнего делового форума нашлась за три минуты. Павел Корнев стоял там рядом с тем самым человеком.

Подпись гласила: «Павел Корнев и председатель совета директоров АО “Северный контур” Леонид Аркадьевич Крымов».

Инга ввела название в реестр.

— О-о, — сказала Лера, заглядывая ей через плечо. — Ты выбрала взрослых людей.

— Просто компания.

— Просто компания с уставным капиталом в полмиллиарда.

— Тем интереснее.

«Северный контур» напрямую землей почти не владел.

Зато владел долями в шести других обществах. Одно из них — ООО «Ладога Девелопмент» — за последний год приобрело несколько участков у набережной. Еще одно, «Городская перспектива», полтора года назад купило бывшую базу детского реабилитационного центра.

Инга открыла карту.

Участок занимал почти гектар между рекой и старым парком.

— Я там в детстве лежала, — сказала Лера.

— Где?

— В этом центре. После перелома. Его закрыли лет пять назад.

— Почему?

— Аварийное здание вроде.

Инга нашла решение городской администрации.

Центр закрыли четыре года назад из-за «неудовлетворительного технического состояния». Через два года участок передали муниципальному предприятию. Через семь месяцев предприятие продало его компании «Рента-М». Та перепродала «Городской перспективе» через девять дней.

Цена первой продажи была почти втрое ниже кадастровой.

— Леонид Петрович, — позвала Инга.

Преподаватель подошел.

— Что?

Она показала экран.

Он прочитал документы, ничего не говоря.

— И?

— Муниципальный участок продали в три раза дешевле кадастровой стоимости. Потом через девять дней перепродали структуре крупного застройщика.

— И что это доказывает?

— Что кто-то очень плохо умеет считать.

— Или?

— Или была схема.

— Романова.

— Что?

— Я сказал: никаких выводов.

— Но...

— У вас есть цена сделки. Есть кадастровая стоимость. Есть последовательность собственников. Это факты. «Схема» — версия. Разницу понимаете?

Инга откинулась на спинку стула.

— Понимаю.

— Тогда не влюбляйтесь в красивую версию.

Он ушел к другому столу.

Лера тихо сказала:

— Иногда я думаю, что он ночует в шкафу и выходит только говорить неприятную правду.

Инга не ответила.

Она открыла сведения о директорах «Рента-М».

Компания была зарегистрирована на женщину из приго-

рода, которая одновременно числилась директором магазина автозапчастей и клининговой фирмы.

Инга почувствовала знакомое возбуждение — то самое, ради которого поступала на журфак. Когда разрозненные куски начинали складываться. Когда за скучными строчками реестра вдруг проступала чья-то воля.

Она написала Ольге:

«“Северный контур”. Крымов. Реабилитационный центр на набережной. Я угадала?»

Сообщение прочитали через минуту.

Ответа не было.

Потом телефон зазвонил.

— Ты издеваешься? — сказала Ольга вместо приветствия.

— Доброе утро.

— Ты обещала не лезть.

— Это учебное задание.

— Разумеется.

— Правда. Леонид Петрович дал всем выбрать компанию.

— И из тысяч компаний Ладоминска ты случайно выбрала именно эту?

— Судьба.

Инга встала и вышла в коридор, чтобы Лера не слышала.

— В открытом реестре нет ничего незаконного.

— Я знаю.

— Тогда чего ты боишься?

— Не по телефону.

— Ты говоришь это уже четвертый день.

— Потому что четвертый день ты не умеешь остановить-ся.

— А ты четвертый день врешь.

В трубке стало тихо.

— Я не вру, — сказала Ольга.

— Ты сказала, что не знаешь Сазонова.

— Хорошо. Один раз соврала.

Инга прижалась лбом к холодному стеклу окна.

Во дворе университета курили студенты. Кто-то громко засмеялся.

Ей показалось, что смех относится к ней. Она подняла голову.

Двое парней у входа действительно смотрели в сторону окна.

Один что-то сказал второму.

Инга отвернулась.

— Инга? — голос Ольги вернул ее к разговору.

— Я здесь.

— Сделай мне одолжение. Просто до вечера ничего не ищи.

— А вечером?

— Я заеду к тебе после работы.

— С объяснениями?

— Да

Инга помолчала.

— Хорошо.

Инга вернулась в аудиторию.

Лера посмотрела на нее.

— Все нормально?

— Да.

— У тебя руки дрожат.

Инга посмотрела на пальцы.

Они действительно слегка дрожали.

— Кофе.

— Ты выпила полчашки.

— Очень сильный кофе.

Лера ничего не сказала.

После занятий Инга поехала домой.

Она честно не открывала реестры в автобусе.

Не искала «Северный контур» в новостях.

Не проверяла имя Крымова.

Она только один раз посмотрела назад, когда ей показалось, что тот же мужчина в сером шарфе сел на две остановки позже.

Мужчина оказался другим.

Наверное.

Дома Инга первым делом увидела зеленую книгу на полке.

«Комментарий к земельному законодательству».

Она сняла пальто.

Прошла на кухню.

Поставила чайник.

Вернулась в комнату.

Книга стояла там же.

— Не трогай, — сказала Инга сама себе.

Звучало глупо.

Она взяла книгу.

Открыла первую страницу.

Ничего.

Пролистала до середины.

Бумага, закладки, несколько подчеркнутых строк.

На странице триста двенадцать из корешка выпал маленький черный флеш-накопитель.

Он ударился о пол.

Инга замерла.

Несколько секунд просто смотрела на него.

Потом подняла и села за стол.

Флешка лежала на ладони, почти невесомая.

«Не трогай».

Инга поднесла ее к ноутбуку.

Остановилась.

Снова вспомнила Леонида Петровича.

Факт остается фактом.

Любопытство фактом не было.

Она вытащила телефон и написала:

«Нашла флешку».

Сообщение не доставилось.

Одна серая галочка.

Инга набрала Ольгу.

«Абонент временно недоступен».

Она позвонила еще раз.

То же самое.

На третий раз телефон зазвонил.

— Да, — выдохнула Ольга.

— Почему ты не отвечала?

— Совещание. Что случилось?

— Я нашла флешку.

Молчание.

— Где?

— В книге. Где же еще?

— Ты ее открывала?

— Нет.

Ольга выдохнула так слышно, что Инга почувствовала раздражение.

— Молодец.

— Что там?

— Документы.

— Те самые?

— Часть.

— Почему у меня?

— Потому что это место, куда никто не полезет.

— Кроме меня.

— Я рассчитывала на остатки твоего уважения к чужой собственности.

— Рискованно.

— Знаю.

Инга покрутила флешку в пальцах.

— Почему не облако?

— Потому что доступы логируются. Потому что служебные компьютеры могут проверять. Потому что я параноик.

— Очень смешно.

— Неважно. Убери флешку обратно. Я заберу вечером.

— Ты собираешься куда-то с ней?

— Да.

— Куда?

— Инга.

— Я имею право спросить. Это лежит у меня дома.

— К человеку, которому я доверяю.

— Имя?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что чем меньше ты знаешь, тем безопаснее.

Инга закрыла глаза.

— Не говори так.

— Как?

— Как будто я тупая девочка, которую нужно спрятать в комнате, пока взрослые решают проблемы.

— Я так не думаю.

— Именно так ты себя ведешь.

— Я пытаюсь тебя защитить.

— От чего?

Ольга молчала слишком долго.

— От необходимости знать некоторые вещи.

Внутри у Инги будто щелкнул выключатель.

— Ты сейчас серьезно?

— Я неудачно сказала.

— Нет. Очень удачно.

— Инг, послушай.

— Я слышала.

— Я имею в виду, что если начнется разбирательство, тебя могут дергать как свидетеля, задавать вопросы, проверять переписку. Я не хочу втягивать тебя в это.

— Уже втянула. Ты спрятала документы у меня.

Ольга вздохнула.

— Я приеду к восьми.

Инга сбросила вызов, положила телефон на стол, потом подняла и написала: «Прости».

Не отправила.

Вставила флешку в ноутбук.

Остановилась.

Вытащила.

Положила обратно в книгу.

В семь двадцать кто-то позвонил в дверь.

Инга решила, что Ольга приехала раньше.

Открыла без вопроса.

На площадке стоял мужчина.

Высокий, в темном пальто. Лет тридцати. Остриженные почти под ноль волосы, тяжелый подбородок. Инга узнала его не сразу.

Егор Седов.

— Привет, — сказал он.

Инга не ответила.

Егор улыбнулся.

— Оля здесь?

— Нет.

— Машина ее во дворе.

— У нее нет машины.

Улыбка исчезла.

— Точно.

— Что тебе нужно?

— Поговорить.

— Со мной?

— С ней.

— Тогда звони ей.

— Она не берет.

— Значит, не хочет разговаривать.

Егор посмотрел поверх Ингиного плеча в квартиру.

— Можно войти?

— Нет.

— Инга, я не кусаюсь.

— Оля рассказывала другое.

Его лицо изменилось едва заметно.

— Что именно?

— Достаточно.

— Она любит рассказывать только удобную версию.

Инга почувствовала, как ладонь крепче сжала ручку двери.

— Уходи.

— Скажи ей, что я знаю про Крымова.

Инга замерла, но он уже увидел реакцию.

— Вот как.

— Про кого?

— Не играй.

— Я понятия не имею, о чем ты.

— Конечно.

Он сделал шаг ближе.

Инга не отступила.

— Передай ей: если она думает, что может просто забрать документы и исчезнуть, она ошибается.

— Какие документы?

Егор усмехнулся.

— Ты плохая актриса.

— А ты плохой бывший. Уходи, или я вызову полицию.

— Вызови.

— С удовольствием.

Инга достала телефон.

Егор поднял руки.

— Ладно. Ухожу.

На лестнице он обернулся.

— Только спроси у своей лучшей подруги, почему обо всем этом знаю я, а не ты.

Дверь закрылась.

Инга повернула замок.

Потом второй.

Сердце билось слишком быстро.

Она сразу набрала Ольгу.

Та ответила на первом гудке.

— Я уже еду.

— У меня был Егор.

Тишина.

— Что?

— Приходил сюда. Он знает про Крымова. Знает про документы.

— Ты открыла ему?

— Откуда я знала, кто там?

— Он входил?

— Нет.

— Точно?

— Оля, я не ребенок!

— Я спрашиваю, потому что это важно.

— Он сказал, что ты забрала документы. И сказал спросить, почему он знает, а я нет.

Ольга выругалась.

Редко. По-настоящему.

— Запри дверь. Никому не открывай.

В голосе Ольги было что-то, что заставило злость отступить.

— Ладно.

— Я буду через пятнадцать минут.

Она приехала через двадцать две.

Инга посчитала.

Ольга вошла, заперла дверь за собой и сразу спросила:

— Он тебя трогал?

— Нет.

— Угрожал?

— Не напрямую.

— Что именно сказал?

Инга повторила.

Ольга прошла к окну и посмотрела вниз.

— Ты хочешь наконец объяснить, что происходит? — спросила Инга.

Ольга сняла пальто.

— Егор работает в компании, которая обслуживает парк автомобилей «Северного контура». Не напрямую, через подрядчика. Я узнала об этом только сегодня.

— Он поэтому тебе звонит?

— Не знаю.

Ольга сказала это громче, чем собиралась.

Они обе замолчали.

— Прости, — сказала она. — День ужасный.

Ольга села напротив.

— Сазонов передал мне документы. Они показывают, что муниципальная земля уходила через цепочку фирм по заниженной цене. В некоторых бумагах стоят подписи людей, которые в указанные даты физически не могли их подписать. Один был в больнице. Другой — за границей.

— Подделка.

— Похоже.

— Корнев знает?

— Я не уверена.

— Крымов?

— Если схема настоящая, он как минимум должен был понимать, откуда берется земля.

— А Егор?

— Не знаю. Возможно, услышал что-то через работу. Возможно, Крымов использует его, чтобы давить на меня. Возможно, он просто пытается напугать.

Инга смотрела на нее.

— Ты собираешься идти в полицию?

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

— Есть человек в прокуратуре. Сазонов хочет передать материалы через него.

— Когда?

Ольга взглянула на часы.

— Завтра.

— Где?

— Не могу тебе этого сказать.

Инга рассмеялась.

— Конечно.

— Не потому что тебе не доверяю.

— Я уже слышала.

— Потому что после сегодняшнего я не хочу, чтобы ты была рядом.

— Со мной ничего не случилось.

Инга почувствовала новый прилив раздражения.

— Ты разговариваешь так, будто вокруг заговор.

— Нет. Это ты последнее время везде видишь заговор.

Ольга сразу поняла, что сказала.

Инга замерла.

— Понятно.

— Инг, я не...

— Ты права. Я же не сплю, дергаюсь, вижу людей. Очень удобно. Если мне что-то не нравится, можно сказать, что мне показалось.

— Я не это сказала.

— Почти.

Ольга встала.

— Я видела Сазонова у офиса. Видела сообщение на твоём телефоне. Я не отрицаю реальные вещи.

— А нереальные кто определяет?

— Инга, пожалуйста, не надо.

— Чего не надо?

Ольга посмотрела на нее долго и устало.

— Ты три недели нормально не спишь. Несколько раз говорила, что слышала свое имя в пустой аудитории. Вчера ночью решила, что кто-то ходит по твоему коридору, хотя там была я. До этого тебе казалось, что за тобой идут от университета. Я не говорю, что ты что-то выдумываешь. Я говорю, что ты устала и тебе плохо.

— Я не говорила про пустую аудиторию.

Ольга нахмурилась.

— Говорила.

— Когда?

— В четверг. По телефону.

Инга попыталась вспомнить.

Не получилось.

— Нет.

— Говорила.

— Я бы помнила.

— Инг...

— Я бы помнила.

Ольга медленно села обратно.

— Хорошо.

— Не говори «хорошо» таким тоном.

— Каким?

— Будто соглашаешься с сумасшедшей, чтобы она не расстроилась.

— Я никогда не называла тебя сумасшедшей.

— Пока.

Тишина стала густой.

Из кухни донесся щелчок выключившегося холодильника.

Ольга закрыла лицо ладонями.

— Черт.

Инга отвернулась к окну.

— Забери флешку и уходи.

— Я не хочу оставлять тебя одну.

— Уходи.

Ольга не двигалась.

— Пожалуйста, — сказала Инга.

Это подействовало.

Ольга встала, достала флешку из книги и положила в карман пальто.

У двери остановилась.

— Завтра вечером поговорим.

Инга усмехнулась.

— У нас это уже традиция.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Ольга взялась за ручку.

— И если снова не сможешь уснуть — позвони мне. В любое время.

— Даже в четыре двадцать?

На лице Ольги появилась осторожная улыбка.

— Особенно в четыре двадцать.

Ольга вышла.

Через минуту пришло сообщение.

«Я люблю тебя, идиотка. Даже когда ты невыносима».

Инга смотрела на экран долго.

Потом написала:

«Взаимно. Особенно второе».

Ольга отправила сердечко.

Инга убрала телефон.

В два часа ночи она все еще не спала.

В два семнадцать ей снова показалось, что кто-то стоит за дверью.

На этот раз Инга не встала проверять.

В два двадцать три в коридоре тихо скрипнула половица.

Инга накрыла голову одеялом и сказала себе, что в старых домах дерево всегда скрипит.

В два двадцать четыре кто-то очень тихо произнес ее имя.

— Инга.

Она резко села.

Комната была пуста.

За окном, на противоположной стороне двора, мигал фонарь.

Глава 5

Во вторник Инга решила, что если человек не спит достаточно долго, утро перестает быть временем суток и становится оскорблением.

Будильник прозвонил в семь десять.

Она выключила его.

В семь двадцать.

Выключила снова.

В семь сорок три Инга открыла глаза и поняла, что первая пара началась тринадцать минут назад.

— Прекрасно.

Голос прозвучал хрипло.

Телефон показывал четыре пропущенных вызова. Три от матери. Один — с незнакомого номера.

От Ольги было сообщение, отправленное в шесть пятьдесят две.

«Ты спала?»

Инга написала:

«Как младенец. Кричала всю ночь и два раза описалась».

Ольга ответила почти сразу.

«Идиотка».

Следом:

«Сегодняшняя встреча пока под вопросом. Я напишу. И пожалуйста, ничего не ищи».

Инга смотрела на последнюю фразу.

Потом открыла браузер.

— Я ничего не ищу, — сказала она вслух.

Она просто проверила одну вещь.

Егор Седов действительно числился коммерческим директором компании «АвтоЛайн Сервис». Среди клиентов на сайте был «Северный контур».

Факты.

Только факты.

Инга закрыла вкладку.

В университет она не пошла.

Написала Лере, что заболела, получила в ответ фотографию Леонида Петровича с подписью «он чувствует твоё отсутствие», и легла обратно.

Сон не пришел.

Вместо него пришла мать.

Не физически — телефон зазвонил в пятый раз.

Инга долго смотрела на экран.

Потом ответила.

— Да.

— Наконец-то.

— Привет, мам.

— Почему ты не отвечаешь?

— Спала.

— В половине десятого?

— Представь себе.

— Ты опять пропускаешь университет?

Инга закрыла глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Я тебя знаю.

— Нет, мам. Ты меня контролируешь. Это не одно и то же.

На другом конце повисла знакомая пауза — та самая, в которой мать собирала обиду в аккуратную формулировку.

— Я волнуюсь за тебя.

— Я в порядке.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

— В прошлый раз тоже была «в порядке», пока деканат не позвонил насчет пропусков.

— Это было на первом курсе.

Инга села на кровати.

— Ты звонила ради этого?

— Я звонила, потому что ты моя дочь.

— Очень своевременно вспомнила.

Инга почувствовала, как напрягается челюсть.

— Ты всегда делаешь из любого разговора конфликт.

— Потому что любой разговор с тобой — это список того, что я делаю неправильно.

— Я хочу, чтобы ты закончила университет, нашла нормальную работу и перестала жить так, будто тебе никто не нужен.

— Мне нужны люди.

— Ольга — не вся жизнь.

Инга замерла.

— Причем здесь Ольга?

— Ни при чем. Я говорю, что нельзя цепляться за одного человека.

— Я не цепляюсь.

— Инга...

— Все. Мне пора.

— Куда тебе пора, если ты не пошла на учебу?

Инга сбросила вызов.

Телефон тут же зазвонил снова.

Она выключила звук и швырнула его на подушку.

Несколько минут сидела, пытаюсь успокоиться.

Потом заметила зеленую книгу на полке.

Флешки внутри уже не было.

Инга подошла и вытащила том.

На странице триста двенадцать осталась тонкая вмятина от накопителя.

Больше ничего.

На обложке золотыми буквами было написано «Комментарий к земельному законодательству».

Инга вдруг подумала: а если Ольга забрала не единственную копию?

Мысль была простой.

Логичной.

И почему-то от нее стало тревожно.

В одиннадцать тридцать пришло сообщение от Ольги:
«Сазонов пропал. На связь не выходит».

Инга сразу набрала ее.

— Что значит «пропал»?

— То и значит. Не отвечает.

— Ты ездила к нему?

— Нет.

— А прокуратура?

— Встречу отменили.

— Кто?

— Человек, который должен был ее устроить.

— Почему?

Ольга выдохнула.

На фоне слышались голоса и хлопанье дверей.

— Он сказал, что сейчас слишком рискованно.

— Я заберу документы из офиса и поеду домой.

— Корнев знает?

— Не знаю.

Инга встала у окна.

Во дворе мужчина в черной шапке курил возле подъезда.

Она смотрела на него, пока он не поднял голову.

Инга отступила от окна.

— Ты где? — спросила Ольга.

— Дома.

— Одна?

— Да.

— Дверь закрыта?

— Да.

— Хорошо.

Инга хотела сказать про мужчину во дворе.

Не сказала.

Если это обычный сосед, Ольга снова решит, что она видит опасность везде.

— Ты точно нормально себя чувствуешь?

— Прекрасно.

— Врешь.

— Училась у тебя.

На этот раз Ольга не рассмеялась.

— Я позвоню позже.

— Хорошо.

— И Инг...

— Да?

— Вчера я была резкой. Прости.

Инга прижала телефон крепче.

— Я тоже.

— Я не хочу с тобой ругаться.

Инга улыбнулась.

— До вечера.

К трем мужчина из двора ушел.

Инга убедила себя, что он жил в соседнем подъезде.

К четырем она уже не могла вспомнить, какого цвета была его куртка.

К пяти решила принять душ, но стояла под водой слишком долго, пока не показалось, что кто-то открыл входную дверь.

Она выключила воду.

Прислушалась.

Тишина.

— Хватит, — сказала Инга своему отражению в запотевшем зеркале.

Лицо выглядело чужим: слишком бледное, под глазами тени, зеленые глаза яркие от недосыпа.

— Просто хватит.

В шесть сорок две пришло сообщение от Ольги.

«Нам надо поговорить. Не про работу».

Инга почувствовала укол раздражения.

«О чем?»

Три точки появились и исчезли.

Появились снова.

«Лично».

«Ты меня пугаешь».

Ответ задержался.

«Не надо бояться. Просто выслушай меня».

Инга перечитала.

Слова были знакомыми.

Не буквально. По ощущению.

Так с ней разговаривали, когда уже что-то решили за нее.

Мать. Школьный психолог после драки в десятом классе.

Врач в студенческой поликлинике, когда Инга однажды пришла туда после трех бессонных ночей и сказала, что сердце стучит слишком громко.

«Где?» — написала она.

«В 21:30 у нашего фонаря. Я заберу тебя оттуда, потом поедем ко мне. Хорошо?»

Инга посмотрела на время.

До встречи почти три часа.

«Хорошо».

Ольга поставила сердечко.

В семь пятнадцать снова написал незнакомый номер.

Не тот, с которого приходила угроза раньше.

«Спроси ее, кому она отдала копии».

Инга похолодела.

Она позвонила Ольге.

Не ответила.

Позвонила еще раз.

Гудки.

В третий раз вызов сбросили.

Через минуту пришло:

«Не могу сейчас. Позже».

Инга набрала сообщение:

«Кто знает про копии?»

В конце отправила фотографию экрана с анонимным сообщением.

Одна галочка.

Потом две.

Ответа не было.

В восемь десять Инга снова набрала Ольгу.

Телефон был выключен.

Она ходила по комнате от окна к двери.

Восемь двадцать.

Восемь тридцать семь.

В восемь сорок пять ей показалось, что телефон завибрировал, хотя он лежал на столе неподвижно.

В девять Инга начала одеваться.

В девять семь вышла из дома.

На улице было холоднее, чем накануне. Ветер с реки нес ледяную крупу, которая колола лицо. Инга шла быстро, почти не замечая дороги.

Почему Ольга выбрала парк?

Почему именно их фонарь?

Романтика? Примирение?

Или потому что там никто не услышит разговор?

Инга остановилась.

Мысль была нелепой.

Она почти рассмеялась.

Ольга — ее лучший друг.

Ольга знала, как Инга морщит нос, когда врет, какой чай пьет во время сессии и почему не любит август. Ольга дралась за нее в школе, приносила лекарства, когда она болела, сидела на полу ванной, когда Инга после первого курса ры-

дала из-за матери и говорила, что больше не вернется домой.

Но последние дни Ольга врала.

Сазонов.

Документы.

Егор.

Крымов.

Инга продолжила идти.

У входа в парк горели два фонаря из трех.

Дорожки были почти пусты.

Она посмотрела на телефон.

21:24.

От Ольги ничего.

Инга свернула к маленькому мосту.

Снег под ногами хрустел тонкой коркой. Дальше главной аллеи городские звуки быстро стихли.

Фонари стояли желтыми островками среди черных деревьев.

Один.

Темнота.

Еще один.

Темнота.

Инга знала эту дорогу наизусть.

На повороте ей показалось, что впереди идет человек.

Светлая куртка.

Светлые волосы.

— Оля?

Фигура не обернулась.

Инга ускорила шаг.

Человек свернул за деревья.

Она дошла до поворота.

Никого.

Только мокрые кусты и пустая дорожка.

— Отлично, — прошептала Инга.

Телефон показывал 21:29.

«Наш фонарь» был впереди.

Он горел.

Под ним кто-то стоял.

Инга замедлила шаг.

Силуэт женщины. Светлое пальто. Волосы блеснули в желтом свете.

Ольга.

Инга почувствовала облегчение настолько сильное, что почти рассердилась на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.